

АМЕРИКА КАК СОЮЗНИК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: 1941–1945 гг.

Статья посвящена образу США как союзника в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны. Источниками послужили дневники и воспоминания, а также публикации в прессе и информационные материалы советских государственных и партийных органов, в том числе Наркомата госбезопасности и Наркомата внутренних дел.

Ключевые слова: советское общество, образ союзника, США, внешне-политические стереотипы, второй фронт, ленд-лиз, послевоенное урегулирование.

В военные годы представления о внешнем мире приобретают явственную черно-белую окраску. Мир делится на врагов, которые воспринимаются совершенно по-особому, на союзников и на нейтралов. Нейтралы, впрочем, за редким исключением, привлекают внимание лишь в качестве потенциальных противников или потенциальных союзников.

В массовом сознании образ союзника предстает в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями часто встречаются и проявления традиционного недоверия (особенно в отношении Англии), которое лишь усугубилось в предвоенные годы.

Социологических опросов в современном понимании тогда не существовало, но в какой-то степени их заменяли информационные материалы НКВД, партийных и советских органов, а также доступные сейчас историкам документы личного происхождения.

Основываясь на этой источниковой базе, можно попытаться восстановить спектр настроений, существовавших тогда в советском обществе по отношению к союзникам. Открытым остается вопрос

об относительном удельном весе тех или иных настроений; об этом можно судить лишь по частоте упоминаний об этом в документах, отдавая себе при этом отчет, что внимание, например, информаторов НКВД к тем или иным высказываниям далеко не всегда отражает их реальную распространенность.

Тем не менее очевидно, что общественное мнение далеко не сводилось к воспроизведению положений официальной пропаганды. Как будет показано ниже, существовал очень широкий спектр мнений в отношении союзников, от абсолютно позитивных до резко негативных, иногда неожиданных, иногда весьма – с точки зрения современного историка – обоснованных и рациональных.

Конечно, первой реакцией на начало войны была растерянность, особенно среди людей, политикой обычно не интересующихся.

Как отмечает, основываясь на ленинградских материалах, Н.А. Ломагин, «сближение СССР с Англией и США в первые недели войны воспринималось населением с большой настороженностью и не являлось существенным фактором в развитии настроений – война с Германией представлялась своего рода дуэлью, в которой “демократии” в лучшем случае будут играть роль честных секундантов». И далее: «Большой интерес к международным событиям, которые в довоенном Ленинграде скорее напоминали мечты и грезы, нежели имели какое-нибудь реальное значение, через два месяца войны практически полностью исчез, уступив место насущным вопросам борьбы за выживание... По-прежнему по отношению к демократическим государствам доминировало недоверие»¹.

В июле 1941 г. в Красноуфимском районе Свердловской области отдел агитации и пропаганды местного райкома при проведении работы с населением выявил «неправильные» взгляды на обстановку, которые (вместе с пораженческими настроениями) включали «непонимание позиции Англии и Америки в отношении к Советскому Союзу» и проистекавшее отсюда недоверие к западным державам². Подобные суждения неоднократно высказывались и в осажденном Ленинграде³.

В информационных документах НКВД были отмечены высказывания советских граждан о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были, впрочем, и обратные высказывания, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки – безумие»⁴. Подобные настроения существовали и в офицерском корпусе. Так, генерал-майор М.И. Потапов, попавший в плен к немцам, на допросе в сентябре 1941 г. безапелляционно заявил, что «русские считают Англию плохим союзником»⁵.

Иногда сама необходимость создания антигитлеровской коалиции подвергалась сомнению. В докладной записке Л.П. Берии, поданной И.В. Сталину в сентябре 1941 г., приводились следующие слова одного из работников Наркомата среднего машиностроения: «Я не хочу, чтобы в результате войны победителями оказались Англия и Америка, потому что в верхних слоях опять будут евреи, так как Америка – еврейская страна, и она старается, чтобы в России господствовал еврейский капитал. Пусть лучше владеет Россией Германия и Гитлер»⁶.

Подписание США и Великобританией Атлантической хартии⁷ вызвало следующий комментарий московского режиссера П.: «Соглашение между Рузвельтом и Черчиллем без нашего участия доказывает, что мы только орудие в их руках...»⁸

Есть свидетельства того, что союз СССР и демократического Запада негативно оценивался представителями интеллигенции и по другим, противоположным мотивам. Это было связано с их резко отрицательным отношением к советскому строю как таковому. Например, историк С.Б. Веселовский записал в дневнике 20 января 1944 г.: «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? Немецкий и коричневый фашизм – против красного. Омерзительная форма фашизма – в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»⁹.

Более развернуто эта точка зрения изложена в дневнике Л. Осиповой, оказавшейся на оккупированной территории и сотрудничавшей с немцами. В феврале 1942 г. она отмечала: «Все упорнее идет шепоток, что союзники, американцы и англичане, оказывают громадную помощь большевикам...» А примерно через год, в январе 1943 г., последовал такой комментарий: «Какое несчастье для русского народа, что ему приходится ждать помощи от немцев, а не от настоящих демократических народов. Но эти демократические народы усиленно помогают большевикам, предают русский народ на издевательство и уничтожение. Неужели они не понимают, какую петлю они готовят на свою собственную голову?.. Говорят, что они понимают только свою выгоду. И этого нет. Всякому русскому колхознику ясно, что выгоднее было бы дать немцам разбить большевиков, а потом вместе с Россией разбить немцев»¹⁰. Характерно, что помощь союзников здесь явно расценивается как решающий фактор в ходе войны.

Достаточно распространенным и среди сторонников, и среди противников антигитлеровской коалиции было скептическое отношение к мотивам поддержки, которую союзники оказывали (или обещали оказать) СССР. Практически никто не сомневался,

что союзники заботятся прежде всего о собственных интересах. Как вспоминает известный философ А.А. Зиновьев, «мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей... Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее»¹¹. Московский журналист Н.К. Вержбицкий в ноябре 1941 г. записал в дневнике: «США, сбросившие фиговый листок нейтралитета, помогут во имя спокойствия и невероятных гешефтов»¹².

Вместе с тем для большинства была характерна уверенность в экономической мощи союзников, их превосходстве в ресурсах, особенно с учетом возможностей СССР¹³.

Разноречивые отклики вызвал доклад И.В. Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников. Наряду с удовлетворением и надеждами на скорое открытие второго фронта были и такие оценки: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии»¹⁴.

Даже вступление в войну США было воспринято неоднозначно. 10 декабря 1941 г. в блокадном Ленинграде И.Д. Зеленская записала в дневнике: «Вчера по радио – война между Японией и Америкой. Эта дьявольская война разливается как океан. Является страх за дальневосточный фронт, за доставку американского вооружения. А с другой стороны, может быть и лучше, как широко вскрытый нарыв»¹⁵.

Подписание англо-советского и американо-советского соглашений в мае–июне 1942 г. вызвало следующие комментарии: «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР... Договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть, и расширение частной инициативы внутри Советского Союза...»¹⁶.

Наибольшее опасения в качестве союзника вызывала Англия. Отношение к Америке было в общем иным. «За годы войны жители страны Советов поверили в настоящую, а не временную дружбу с американским народом. Воины и труженики тыла отдавали им заслуженное предпочтение перед другими союзниками. Американцы выполняли обязательства по оказанию помощи Красной армии, успешно воевали на Тихом океане и в Северной Африке, освободили Италию от фашистов, одержали важную победу над немецки-

ми войсками в Арденнах», – подчеркивает, например, В.Ф. Зима, несколько идеализируя ситуацию¹⁷. На самом деле, конечно, и отношение к Америке на протяжении всей войны оставалось двойственным.

В частности, своеобразным напоминанием о пропаганде и ут-вердившихся массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные высказывания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и воевать придется долго – пока не ослабнет и Советский Союз, и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»¹⁸. И вполне логичными выглядели следующие опасения: «Не может ли получиться так же с Англией и Америкой, как получилось с Германией, которая была в дружественных отношениях с нами и в то же время вероломно напала на нас?»¹⁹

Лучше многих сформулировал свои сомнения в блокадном дневнике ленинградский архивист Г.А. Князев. 13 июля 1941 г. он пишет: «Борются две системы, два мира: коммунизм и нацизм. Ранее это формулировалось как борьба пролетарского и капиталистического миров. Теперь дело осложнилось. Есть третья система – старомодная буржуазно-демократическая, либеральная и консервативная, господствующая в Америке и Англии. И коммунисты, и нацисты – полярные точки этой древней, изживающей себя системы»²⁰.

Недавно были опубликованы документы о слухах, которые немецкие спецслужбы планировали распускать на оккупированной территории. В секретном циркуляре немецких оккупационных властей от 28 февраля 1943 г. приводились образцы таких слухов. Некоторые из них напрямую затрагивали отношения СССР с союзниками, например: «Рузвельт прислал Сталину телеграмму, в которой он его настоятельно предостерегает от продвижения вперед, так как немцы хотят заманить русских в ловушку. Если Сталин не последует этому совету, Рузвельт угрожает приостановить поставки для России и заключить сепаратный мир с Гитлером...»²¹. Понятна цель распространения этих слухов; можно предположить, что какими-то путями они проникали и в советский тыл. По крайней мере, многие высказывания, которые фиксировались вдали от линии фронта, напоминали образцы немецкой пропаганды.

Впрочем, среди населения оккупированных областей ходили и другие слухи, явно не имевшие ничего общего с немецкими спецслужбами, но также расценивавшиеся советскими пропаганди-

стами как «реакционные». Так, в одном из районов Калининской области весной 1943 г. распространялось имевшее явно церковное происхождение «святое письмо», в котором содержалось предсказание, «якобы написанное одним святым 600 лет назад, в нем предсказывается о великой войне черного орла со свастикой против красного петуха, леопарда и льва. В этой битве, в результате которой черный орел займет часть земель петуха, будет в конце концов побежден. Леопарду, сравнительно со львом, отводится более активная роль. Население делает из этих намеков свои выводы о победе Красной армии»²².

Очевидно, что красный петух здесь означает СССР, черный орел – Германию, лев – Великобританию. А вот в роли леопарда – вопреки всем представлениям средневековой геральдики – очевидно, выступают США; представления об их более активной роли хорошо соотносятся с некоторыми намеками советской пропаганды, склонной в годы войны к американцам относиться чуть лучше, чем к англичанам. Остается, впрочем, удивляться, что такие нюансы, ясные далеко не всем и на советской территории, схватывало массовое сознание людей, оказавшихся в оккупации. Возможно, свою роль сыграли и описанные выше, укоренившиеся в предвоенные годы стереотипы, в соответствии с которыми Англия традиционно представляла в роли одного из основных врагов России/СССР, а вот отношение к США было заметно лояльнее.

Многие западные дипломаты и журналисты склонны были считать, что простые люди гораздо более позитивно относятся к Западу, чем официальные власти. Это постоянно подчеркивается в книге американского исследователя Ф. Баргхорна, который даже озаглавил один из ее разделов «Русский народ: ахиллесова пята Кремля», имея в виду как раз отношение к Западу, в частности к США. Однако и архивные материалы, и свидетельства многих современников говорят о том, что ситуация была намного сложнее. По словам британского журналиста А. Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что добрый русский народ настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», – заключает он, имея в виду 1943 г.²³ Это было связано в первую очередь с ожиданиями второго фронта.

Не только в пропаганде, но и в массовом сознании тема второго фронта занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Северной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, то есть в Европе, в

качестве «настоящего второго фронта» советское общество соглашалось признать лишь массированную высадку союзных войск во Франции. Именно его отсутствие было объявлено одной из основных причин тяжелых поражений Красной армии летом 1942 г. По мнению многих, открытие второго фронта означало скорый конец войны, и его ждали постоянно.

Военный корреспондент Д.В. Фибих в мае 1942 г. с горечью записывал в дневнике: «Едва ли мы сможем своими силами нанести Германии решающий удар. Идет война на измор. Последнее слово, как в ту войну, скажет Америка»²⁴.

Часть советских граждан вслед за официальной пропагандой к идее второго фронта относилась скептически. Например, в Ленинграде в ноябре 1941 г. были отмечены такие высказывания: «О втором фронте я думаю, что он будет, но тогда, когда будет крах всей системы. Этого ждет Англия и Америка»²⁵.

Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии, вызывали в общем удовлетворение. Вот как эта нетрадиционная тема преломляется в традиционном народном творчестве:

Ой, яблочко,
Да из Америки,
Довело ты врага
До истерики.

Конечно, подобные действия, как и кампания в Северной Африке, не могли заменить открытия второго фронта, под которым, вслед за официальной пропагандой, советские граждане подразумевали либо массовое вторжение союзнических войск на континент через Ла-Манш, либо (это особенно характерно для ленинградцев) ширококомасштабные боевые действия в Финляндии; упоминались также южная Франция, Италия, Балканы.

Своего апогея ожидания второго фронта достигли летом и осенью 1942 г., в дни Сталинградской битвы, вернее, ее оборонительной фазы. Так, писатель М.М. Пришвин 6 августа 1942 г. предрекал: «В ожидании 2-го фронта наше полное вымирание...»²⁶.

Академик В.Е. Вернадский отмечал в дневнике: «Сегодня, 12.VI утром по радио сообщено о возвращении Молотова из Лондона и США и подписании договора с Англией и США и образовании 2-го фронта в Западной Европе, ждут во Франции». В августе он вновь возвращается к этой теме: «Ясно, что в ближайшее время будет 2-й фронт в Германии и Западной Европе»²⁷. О том же писал домой с фронта политрук Ю.И. Каминский в июне 1942 г.: «Поздравляю

вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»²⁸. Вскоре последовало краткое, но многозначительное сообщение о том, что в США объявлено о создании «европейского театра военных операций» и что «командующий европейским театром» генерал Эйзенхауэр уже прибыл в Лондон²⁹.

Как отмечалось в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта от 30 июля 1942 г., в которой обобщались материалы военной цензуры, «заклучение договора и соглашения между великими державами – СССР, Великобританией и США – о взаимной помощи и об открытии союзниками в 1942 г. второго фронта в Европе среди военнослужащих фронта и их семей вызвало, при временных неудачах на фронте, целый ряд отрицательных суждений и разговоров. Бойцы, командиры и политработники, в своих многочисленных документах³⁰, выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»³¹. Другими словами, если верить данной сводке, недоверие к союзникам уже нельзя охарактеризовать как «отдельные настроения»; в данный момент оно преобладало. Так, фронтовик А.К. Чубуков саркастически констатировал: «Ну что ж, пусть терпят русские девушки, англичане и американцы лишний раз передадут по радио, что они целиком с нами, болеют душой, сочувствуют... Это нам очень поможет. Несколько миллионов вооруженной армии до зубов сидят на острове и наблюдают, как обрушиваются на нас дивизии, перевозимые с Запада, как оголяется затылок у немцев, и рассуждают, что в этом году невозможно открыть второй фронт»³².

Кажется, именно в эти дни родилось ироническое прозвище американских консервов – «второй фронт».

В сентябре 1942 г. в Москву приезжал видный американский политический деятель, лидер республиканцев У. Уилки. Он посетил многие московские учреждения и предприятия, и везде его спрашивали о втором фронте. Уилки обещал «открыть второй фронт» в будущем году, ссылаясь на возражения военных, а однажды не выдержал и заявил в ответ, что американские рабочие стараются, создавая все новое вооружение, и могут быть обижены, что их труд недооценивается в СССР, так как все разговоры только о втором фронте. В другой раз он заявил советскому собеседнику: «Я не могу с этим приехать на американские фабрики и заводы и сказать, что Россия недовольна Америкой – это отразилось бы на усилиях Америки и снизило бы темпы производства...»³³.

О том же шла речь и на встрече Уилки с советскими писателями. Как вспоминал К.М. Симонов, «наша миссия была – выложить ему все, что мы думаем по поводу того, что американцы и англичане не открыли и в ближайшем будущем не собираются открывать второго фронта. Да, собственно, ни о чем другом мы и не хотели говорить... Мне, только что вернувшемуся из Сталинграда, не хотелось в тот вечер благодарить этого американца и в его лице Америку ни за американскую тушенку, ни за американские телефонные аппараты, ни за американские “виллисы” и грузовики, ни за американские танки»³⁴.

Любопытно, что и сам Уилки, и сопровождавший его американский посол У. Стэндли были уверены, что вопросы о втором фронте задаются американскому гостю не иначе как по подсказке советских властей. Такое, разумеется, не исключено, но можно быть уверенным, что подобные вопросы прозвучали бы в любом случае – слишком большие ожидания связывались со вторым фронтом, и отнюдь не одного Уилки спрашивали об этом.

Вот, например, чем интересовались на лекциях и беседах жители Свердловска осенью–зимой 1942 г.: «Союзники заинтересованы во втором фронте, видя угрозу со стороны фашистской Германии. Но будут ли стоять английские и американские руководители за второй фронт, если начнется разгром немецкой армии, не явится ли тогда идея второго фронта как способ борьбы не с фашистской Германией, а против усиления влияния Советского Союза?.. Не стремятся ли союзники к тому, чтобы мы сами изгнали немцев со своей территории, без военной помощи с их стороны?..»³⁵

В октябре в Северной Африке перешли в наступление британские войска Б.Л. Монтгомери, а в ноябре в Марокко высадились американские войска во главе с Д. Эйзенхауэром. «Нас так убедили в невозможности второго фронта, что весь город, не обращая внимания на высадку американцев в Северной Африке и воззвание де Голля, где говорится, что американцы высаживают огромные силы, – говорят не об этом, а о том, что местоблюститель патриаршего престола назвал Сталина – “богоизбранным”», – отметил в дневнике 9 ноября писатель Вс. Иванов. Впрочем, уже через день ситуация несколько изменилась: «У газет много людей. Читают через плечи друг друга – все об Африке. Всюду повеселевшие лица»³⁶. В Казахстане академик Вернадский с удовлетворением записал: «Высадка войск США во Французской Африке. Резкое изменение обстановки. *Второй фронт приблизился* (курсив мой. – А. Г.)»³⁷.

После успешного завершения африканской кампании Д.В. Фибих записал в дневнике: «С Северной Африкой покончено. На

очереди Италия. Кажется, второй фронт становится реальной вещью»³⁸.

И все же для большинства советских граждан даже самая успешная африканская кампания не могла заменить открытие «настоящего» второго фронта.

Редким исключением являлась позиция, которую занимал, например, Г. Эфрон. «Я думаю, что если союзники не открывают сейчас второй фронт, то это объясняется не стремлением ослабить нас, как предполагают некоторые англофобы, а гораздо скорее тем, что союзники еще недостаточно подготовлены к вторжению на континент, недостаточно сильны и вооружены еще. Ведь они даже не могут вытурить войска держав оси из Туниса – куда ж им думать о втором фронте?.. Вот у нас почти все орут: “Чего они не открывают второго фронта?”, не понимая, что американские войска не имеют боевого опыта, и надо здорово их обучить и подготовить, прежде чем идти на риск такой ответственной операции, как открытие фронта в Европе. И потом, совершенно естественно, что американцы хотят иметь максимум шансов на своей стороне и компенсировать недостаток боевого опыта своих солдат огромным качественным и количественным перевесом своего вооружения»³⁹.

Последний раз тема второго фронта вышла на первый план в связи с Тегеранской конференцией. К тому времени большая часть советского общества поверила в то, что победа может быть одержана и без помощи союзников. Тем не менее решения конференции были встречены с одобрением. Так, на одном из оборонных заводов Челябинска выступления на митинге, посвященном итогам встречи в Тегеране, «сводились к выражению надежды, что война будет закончена в самый короткий срок, что второй фронт теперь безусловно будет открыт, что подтверждаются указания тов. Сталина о том, что второй фронт не за горами». Только арматурщик Осипов сохранил привычный скептицизм: «Нельзя верить Англии и Америке, они все время обещали открыть второй фронт и все время обманывают»⁴⁰. Впрочем, он был не одинок: на освобожденных территориях в декабре 1943 г. членам пропагандистской группы УПА ЦК ВКП(б) задавали вопрос: «Может ли случиться, что союзники не откроют второго фронта и в 1944 г.?»⁴¹

Наверное, многие могли бы согласиться с записью в дневнике, которую сделал видный биолог А.С. Серебровский 23 февраля 1944 г.: «Сегодня день Красной армии, в приказе т. Сталин подвел итоги года, и в шесть часов будет салют в ряде городов, итоги замечательные, но до конца войны, по-видимому, еще далеко. Мы все еще одни, а союзники все еще жалуются на плохую погоду...»⁴².

О том же писал в апреле 1944 г. в частном письме физик В.С. Соколин: «Наши проклятые союзники собираются продемонстрировать, что они собираются предпринять демонстрацию, что они собираются... (и так далее) предпринять наконец вторжение. Они описывают с величайшей обстоятельностью корабль, который они построили для перевозки войск, искусство своих будущих операций и все, относящееся к делу, из чего следует, что это все одни разговоры»⁴³.

Более того, ситуация на фронтах изменилась настолько, что с открытием второго фронта теперь связывались не только надежды, но и опасения. Среди вопросов, заданных пропагандистам ЦК на освобожденных территориях в декабре 1943 и апреле 1944 г., были и такие: «Не получится ли так, что после поражения Германии Англия и США разделят между собой территорию Германии?»⁴⁴

После высадки союзнических войск в Нормандии в июне 1944 г. американские (и в гораздо меньшей степени английские) военные и дипломаты на время стали в Москве настоящими героями: их качали на улицах, приглашали на приемы, угощали в ресторанах.

Вместе с тем, отмечал в своей шифровке глава американской военной миссии генерал Рассел Дин, в реакции москвичей на радиосообщение о высадке в Нормандии при всем «удовольствии и чувстве облегчения» не было заметно «бурного ликования»⁴⁵. Второго фронта слишком долго ждали; летом 1944 г. мало кто сомневался в исходе войны независимо от действий союзников.

* * *

Помимо второго фронта, еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом сознании военного времени. Это тема ленд-лиза, поставок продовольствия, снаряжения, военной техники. И кроме того – осмысление перспектив, которые открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции.

Инженер Горьковского автозавода В.А. Лапшин в июне 1942 г. писал в дневнике: «Вслед за подписанием договора с Англией опубликовано соглашение с США о помощи материалами, танками, самолетами и пр. Помощь эту мы видим ежедневно у себя. Какие машины собираются сейчас у нас из отдельных собранных узлов... Это реальная помощь»⁴⁶.

Иногда представления о военной помощи союзников принимали самые фантастические очертания. Так, среди вопросов, заданных пропагандистам ЦК ВКП(б) в декабре 1943 г. на освобожденных территориях, был и такой: «Правда ли, что Москву защищает

“Чикагское планипо” (американская пушка) (так в документе. – А. Г.), потому немцы и не могут бомбить столицу?»⁴⁷ Можно только догадываться, что означало загадочное «планипо» – возможно, что-то вроде планетария?..

Поставки продовольствия и обмундирования (независимо от их источника и предназначения все они связывались именно с загадочным, непонятым, но таким иностранным словосочетанием «ленд-лиз») напрямую затрагивали жизнь многих семей. Одни получали продукты, одеяло или отрез серого солдатского сукна, другие на рынке приобретали поношенную американскую или английскую одежду. Как подчеркивает В.Ф. Зима, «для трудного времени это было событие, которое оставалось в человеческой памяти на всю жизнь. Лауреат Нобелевской премии поэт И.А. Бродский в своих записках упомянул о впечатлении, произведенном на него американскими ботинками, которые в войну носил его отец. Через полвека жительница железнодорожной станции Шумиха (Курганской обл.) А.Н. Герасимова на вопрос, что она знает об американской помощи в войну, с ходу заявила, что хорошо помнит, как с самолетов им сбрасывали посылки с консервами и теплыми вещами»⁴⁸. Конечно, в последнем случае речь снова идет о совершенно сказочном преломлении реальности в массовом сознании. Но то, что подобные легенды, закреплявшие положительный образ союзника, не только возникали, но и существовали весьма долгое время, является весьма показательным. Не только Бродский, но и В.П. Аксенов неоднократно упоминал о вещах и продуктах, полученных по ленд-лизу, в своих сочинениях, при этом выделяя их из общего ряда. Как писал в своих воспоминаниях фантаст Кир Булычев (он же востоковед И.В. Можейко), «не было в мире ничего вкуснее американской консервированной колбасы»⁴⁹. О том же недавно вспоминал известный писатель А. Макаров: «Американская тушенка, которая попадала в те годы на сиротский российский стол, вызывала к союзникам хоть и насмешливое (вот вам и второй фронт!), но благодарно теплое отношение. И если первый в жизни автомобиль, в котором тебе с замиравшим от счастья сердцем удалось прокатиться, был американским грузовым “студебеккером”, забыть его не заставят никакие политические ссоры и обиды... И наконец, самое главное, дело было не в размерах ленд-лиза, не в сопоставлении пролитой крови с консервами и яичным порошком, а в сознании, что мы не одни в этом мире лицом к лицу с безжалостным врагом, что огромное количество людей нам сочувствует и молится – за нас и на нас»⁵⁰.

В качестве гуманитарной помощи в Советский Союз поступали не только вещи и продукты; многие общественные организации

отправляли в СССР книги, копии фильмов, пластинок и т. п. (любопытно, что в послевоенном советском обществе американские фильмы, попавшие таким образом в советский прокат и пользовавшиеся большой популярностью, именовали не иначе как «трофейными»). Мне приходилось встречать в общедоступных библиотеках американские книги, изданные в 1930–1940-х гг., с соответствующими дарственными надписями. То, что книги эти были большей частью детективами или любовными романами, делали их еще более привлекательными для советских читателей (тех, конечно, кто владел языком).

Можно только предполагать, в какой степени воспоминания о ленд-лизе, а также попавшие таким образом в СССР книги и фильмы повлияли на политические, социальные, культурные предпочтения послевоенного поколения. Но само наличие такого влияния сомнению не подлежит⁵¹.

Прозванная «вторым фронтом» американская тушенка, яичный порошок, другие непривычные продукты надолго остались в памяти как одна из примет военного времени. То, что полученное по ленд-лизу продовольствие стало не просто важной частью повседневного быта, но составляющей всей окружающей предметной среды тех лет, помогает наглядно представить фраза из дневника А.И. Пантелеева (январь 1944 г.): «На путях – бессчетное множество банок из-под американской тушенки. И тут же тучи воробьев, клюющих канадскую пшеницу»⁵².

Вместе с тем среди части интеллигенции интерес вызывали прежде всего политические аспекты помощи союзников. Она не без оснований рассматривалась, во-первых, как средство предотвращения выхода СССР из войны путем заключения сепаратного мира (как известно, этого союзники боялись вплоть до завершения коренного перелома в войне) и, во-вторых, как средство давления на СССР в вопросах послевоенного урегулирования.

Неплохо информированный благодаря многочисленным знакомствам известный писатель Вс.В. Иванов в своем дневнике 15 марта 1943 г. так прокомментировал публикацию в «Правде» отчета о помощи США: «Оказалось, что не зря наши молчали об этой помощи... Помощь, надо сказать, солидная... Отрицая же помощь или сведя ее к нулю, мы преувеличивали свои силы и заставляли Германию считаться с нами, а значит, и могли заключить сепаратный мир. Теперь, “раззвонив о помощи”, мы лишены возможности заключить мир. Мало того, американцы могут позвать нас на “конференцию” и потребовать “некоторых” политических гарантий»⁵³.

Что касается остальной части населения, то здесь, наряду с позитивной оценкой ленд-лиза, о чем речь шла выше, встречались и такие предположения: в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай» (вариант – «после войны мы пять лет будем работать на Англию и США») или «не попадет ли СССР в кабалу Англии и Америки за их поставки»⁵⁴. Иногда подобные опасения конкретизировались: «Правда ли, что скоро будет съезд союзников Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки, и это мясо в скором времени начнут собирать с колхозников?» – спрашивали жители Башкирской области весной 1943 г.⁵⁵ А в Смоленской области в мае–июне 1944 г. интересовались, вспоминая, очевидно, о годах гражданской войны и интервенции, «не придется ли нам воевать с Америкой после войны за то, что мы останемся у нее в больших долгах?» Неудивительно, что колхозники из колхоза «15 лет ВЛКСМ», говоря о помощи союзников, заявили: «Помогать-то они нам помогают, но дорого придется платить потом. Это ж буржуи, и они глядят на свою пользу»⁵⁶.

* * *

Приближение окончания войны многих заставляло задуматься о перспективах послевоенного переустройства мира.

В 1944 г. на смену вопросам о втором фронте приходят такие: оккупирует ли Красная армия Германию, какой будет послевоенная Европа, есть ли противоречия между Советским Союзом, Англией и США по вопросу о западных границах СССР, что ждет послевоенную Польшу?⁵⁷ И, может быть, самое важное: «Не будут ли решены послевоенные вопросы мира без нашего равноправного участия?»⁵⁸

Уже в сентябре 1941 г. в Москве были зафиксированы скептические оценки перспектив послевоенного урегулирования. Как заметил московский писатель А.: «Мы можем, конечно, и победить, но что это будет нам стоить? Дело идет к тому, что нам придется валяться в ногах у Англии и Америки...»⁵⁹. Артист оркестра И. был еще более безапелляционен: «В настоящей войне возможно поражение Германии, но в СССР все равно будет изменена форма правления под давлением Америки и Англии в сторону создания демократической республики по их образцу. Для этого будут использованы их войска, которые Америка и Англия ввели в пределы СССР»⁶⁰.

Впрочем, более распространены были ожидания лишь некоторого смягчения советского режима в результате союза с демокра-

тическими государствами. В.И. Вернадский 15–16 ноября 1941 г. записал в дневнике: «Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется – огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами – демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения – особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий...»⁶¹.

Появление в прессе большого количества позитивных, даже хотя бы чисто информационных, нейтральных по тону сообщений о жизни стран-союзниц, конечно, не могло не найти отклика в сознании советских людей.

Уже в 1943–1944 гг. органы НКГБ все чаще отмечали высказывания, в которых сравнивались политические системы и уровень жизни в СССР и странах Запада. «Вот посмотришь на нашу дикую систему и сравнишь ее с американской, так надо сказать, что там люди живут и над ними никто не издевается, сами себе хозяева, их личность неприкосновенна», – говорил в 1944 г. главный металлург одного из ленинградских заводов⁶².

В октябре 1944 г. была подготовлена докладная записка о результатах беседы с научными работниками Уральского филиала Академии наук. В ней особо отмечался интерес научных работников к президентским выборам и вообще избирательной системе в США⁶³. Хотя ни автор записки, ни те, с кем он беседовал, не делали далекоидущих выводов, трудно предположить, что, читая о выборах по-американски, ученые не сравнивали их с советской избирательной системой. И можно только догадываться, в чью пользу делались эти сравнения...

По большей части представители интеллигенции надеялись на эволюционные изменения к лучшему в результате политического взаимодействия СССР со своими союзниками; но встречались и более радикальные предположения. Уже в 1943 г. в материалах НКВД и НКГБ появляются утверждения о том, что «внутренняя оппозиция» переориентировалась в борьбе с советской властью с Германии на Англию и Америку. Арестованный (и впоследствии расстрелянный) директор ремонтно-строительной конторы ленинградец В.С. Карев, кстати, сын священника, говорил на допросах: «В результате войны СССР и Германия будут настолько обессилы, что им придется полностью капитулировать перед англо-американским блоком. Тогда с помощью Англии и Америки внутренние силы контрреволюции поднимут восстание... если убить Сталина,

в правительстве будет замешательство и народ восстанет против советской власти, а в это время нам помогут Англия и Америка»⁶⁴. Заместитель начальника Ленгорпромстроя Л.Г. Юзбашев утверждал: «Мы в основном должны надеяться на вмешательство извне, потому что США и Англия при их могуществе не будут долго нас терпеть, они либо постараются уничтожить этот порядок, либо нас совершенно изолируют»⁶⁵.

Изменения политического строя под давлением союзников ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне.

«Усиленно распространяются слухи о том, что скоро будет у нас введена свобода различных политических партий, а также свобода частной торговли, что будет выбран новый царь, что после войны миром будут руководить Америка и Англия и т. д.», – утверждалось в справке о политических настроениях в Свердловске в 1943 г.⁶⁶ Жители только что освобожденных территорий в декабре 1943 г. спрашивали пропагандистов ЦК ВКП(б): «Будет ли существовать советская власть после войны, или же будет такая же власть, как в Америке и Англии?.. Зачем США укрепляют свои военные базы на Аляске, не направлено ли это против СССР?..»⁶⁷

Среди вопросов, заданных весной 1943 г. во время собраний или лекций, в частности в Удмуртии, есть и такой: «Правда ли, что Америка требует от нас роспуска колхозов и восстановления церкви?»⁶⁸ Ликвидация колхозов представлялась особенно вероятной. Вот примеры подобных высказываний: «Некоторые говорят, что колхозов не будет, ибо Америка и Англия оказали свое влияние... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка»⁶⁹.

Характерно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. И этот сюжет нашел отражение в массовом сознании. Некоторое изменение политики в отношении православной церкви в годы войны комментировалось порой следующим образом: «Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников – Америки и Англии... Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад...»⁷⁰.

Подобные ожидания, казалось бы, подкреплял роспуск Коминтерна в 1943 г. Независимо от общей – позитивной или негативной – оценки этого решения, причину его практически

единогласно видели в стремлении СССР сделать шаг навстречу союзникам.

Не только роспуск Коминтерна, но и гораздо менее значительные и на первый взгляд мало связанные с межсоюзническими отношениями мероприятия власти, такие как, например, введение погон в Красной армии, вызывали даже у старшего офицерского состава разговоры о влиянии союзников. Так, офицер штаба 21-й армии, майор Любомудров заявлял, что «введение погон в армии имеет определенный смысл международного характера... Америка предложила нам привести в порядок офицерский состав»⁷¹.

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. Так, в Удмуртии лектору был задан вопрос: «Правда ли, что Рузвельт предьявил т. Сталину, чтобы отдали Ленинград немцам, тогда будем помогать»⁷². В мае 1945 г. подобные слухи были зафиксированы в Литве: «весь Вильнюс» говорил о том, что Америка забирает весь прибалтийский край сроком на пять лет в счет долгов Советского Союза Америке за оказанную помощь в период войны⁷³.

Наиболее симпатичным и близким к реальности образ союзника рисовался в тех случаях, когда основывался на личных впечатлениях.

Впрочем, личные впечатления далеко не всегда оказывались благоприятными. Так, по воспоминаниям И.Г. Эренбурга, в конце 1944 г. С.М. Михоэлс, который ездил в Америку, «рассказывал писателям о своих впечатлениях. По его словам, американцы поражены расизмом, преклоняются перед машинной цивилизацией и не так уж далеки от гитлеровских идей... говорил, что союзники отнюдь не восхищены победами Красной армии»⁷⁴.

В качестве примера прямого общения обычно приводятся контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока, хотя количественно и территориально они носили ограниченный характер, да и вообще общение с иностранцами не поощрялось даже для тех, кто работал с ними «по долгу службы». Каковы были масштабы этих контактов? Например, в августе 1942 г. в Архангельске находилось 40 английских и американских судов, 14 из них торговые, команды которых составляли не менее 8 тыс. человек. Все население Архангельска в 1939 г. составляло около 280 тыс. человек; другими словами, один иностранец приходился на 30–40 местных жителей. Понятно, что в такой ситуации контакты зачастую носили несанкционированный (и, с точки зрения власти, предосудительный) характер – вольные беседы, мелкая торговля и т. п.

Контакты рядовых советских граждан с представителями союзников на протяжении почти всей войны происходили также на некоторых участках фронта (моряки и летчики на Севере, челночные полеты американцев, французские летчики знаменитой эскадрильи «Нормандия – Неман»), на территории Ирана и, наконец, в немецком плену. Пожалуй, лишь в последнем случае они были и достаточно массовыми, и подлинно неформальными.

* * *

9 мая 1945 г. Москва праздновала Победу. Как вспоминает академик Т.И. Заславская, которой тогда было 17 лет, «мы запели песню и пошли вдоль Красной площади, обошли ее раза три, не замолкая, кричали “Ура!” Красной армии и родному Сталину. Потом пошли к американскому посольству и нарочно затянули “Широка страна моя родная”. Из окон, с балконов, изо всех щелей высывались милые американцы, они хлопали в ладоши, кричали: “Ура!”, “Победа!”, “Сталин!”, а мы бесновались на улице, надрывая горло, вопили: “Привет союзникам!” и “Америка, Америка!”... После американцев пошли к англичанам, были и у французов, которые встретили нас радостно, как родные»⁷⁵.

На территории Германии в 1945 г. миллионы советских солдат встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Образ союзника стал меняться, конкретизироваться; одновременно размывались, теряя жесткость и однозначность, пропагандистские стереотипы. Непосредственное знакомство с повседневной жизнью европейских народов, так же как в 1813 г. и в годы Первой мировой войны, изменило взгляд на мир у сотен тысяч советских людей.

Примечания

- ¹ *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада: В 2 кн. СПб.; М.: Олма-Пресс, 2002. Кн. 1. С. 216, 228.
- ² Цит. по: *Колдомасов И.О.* Эволюция образа союзников в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: МАГУ; ИРИ РАН, 2006. Вып. 7. С. 342.
- ³ См.: Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб.: Европейский дом, 1996. С. 23, 44, 48–49 и сл.
- ⁴ Москва военная: 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. С. 68–69.
- ⁵ Вопиющая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 58.

- ⁶ Москва прифронтовая: 1941–1942. М.: Мосгорархив, 2001. С. 629.
- ⁷ Декларация глав правительств США и Великобритании, подписанная 14 августа 1941 г. В ней в общей форме говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, о послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов и праве народов избирать себе форму правления. 24 сентября 1941 г. на Лондонской межсоюзной конференции СССР объявил о присоединении к основным положениям Атлантической хартии.
- ⁸ Недремлющее око спецслужб // Московский архив: Историко-краеведческий альманах. М.: Главархив, 2006. Вып. 4. С. 555.
- ⁹ *Веселовский С.Б.* Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 78.
- ¹⁰ Из дневника Лидии Осиповой о жизни в пригородах Ленинграда (22 июня 1941 г. – 1944 г.) // Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 2: Документы, приложения. С. 459, 468.
- ¹¹ *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999. С. 231.
- ¹² Москва военная... С. 489.
- ¹³ См., например: *Жилинский И.И.* Блокадный дневник (осень 1941 – весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 4.
- ¹⁴ Международное положение глазами ленинградцев... С. 14.
- ¹⁵ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.
- ¹⁶ Международное положение глазами ленинградцев... С. 52–53.
- ¹⁷ *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 186.
- ¹⁸ Международное положение глазами ленинградцев... С. 49, 53, 75.
- ¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 100.
- ²⁰ *Князев Г.А.* Дни великих испытаний: Дневники: 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. С. 74.
- ²¹ См.: Пропаганда немецких спецслужб на оккупированных землях // Радио Свобода. 2005. 16 апр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.svoboda.org/content/article/126863.html> (дата обращения: 24.05.2005).
- ²² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 631.
- ²³ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967. С. 480.
- ²⁴ *Фибих Д.В.* Фронтные дневники 1942–1943 гг. // Новый мир. 2010. № 5. С. 52–53.
- ²⁵ *Ломагин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 252.
- ²⁶ *Пришвин М.М.* Дневники: 1940–1941. М.: РОССПЭН, 2012. С. 231.
- ²⁷ *Вернадский В.И.* Дневники: Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. С. 261, 332.
- ²⁸ Цит. по: *Сеняевская Е.С.* Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 166.
- ²⁹ Советская пропаганда... С. 365.

- ³⁰ Как вспоминал бывший советский цензор Л. Авзегер, при приеме на работу ему сразу же объяснили, что «в нашем служебном лексиконе не должно существовать слова “письмо” или “письма”... Мы работаем не с письмами, а с документами. Все, что мы читаем, просматриваем, посылаем на оперативную проверку, – все это документы, с которыми работает наша организация». Авзегер свидетельствует: «Никогда позже я не слышал из уст сотрудников ПК (политконтроля. – А. Г.) слово “письмо”, они просто не употребляли его, словно боялись, что само слово может бросить тень на их особого рода тайную деятельность, а потому всегда говорили “документы”, и это правило здесь соблюдалось довольно строго». См.: *Авзегер Л. Я вскрывал Ваши письма...*: Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // Источник. 1993. № 0. С. 46.
- ³¹ Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000. С. 159.
- ³² Там же. С. 160, 223–224.
- ³³ Цит. по: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М.: Терра, 2006. С. 76, 79–80.
- ³⁴ *Симонов К.М.* Разные дни войны: Дневник писателя. Т. 2. М., 1977. С. 191.
- ³⁵ *Колдомасов И.О.* Указ. соч. С. 348; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 71, 76.
- ³⁶ *Иванов Вс.В.* Московские тетради: Из дневников военного времени // Дружба народов. 2001. № 8. С. 86–87.
- ³⁷ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 374.
- ³⁸ *Фибих Д.В.* Указ. соч. С. 76.
- ³⁹ *Эфрон Г.С.* Дневники: В 2 т. М.: Вагриус, 2007. Т. 2: 1941–1943 годы. С. 281.
- ⁴⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 168. Л. 55 об.
- ⁴¹ Советская пропаганда... С. 680.
- ⁴² Из дневниковых записей А.С. Серебровского // Вестник Российской академии наук. Т. 78. 2008. № 3. С. 252.
- ⁴³ Данный абзац в письме написан по-английски, возможно, автор опасался цензуры. Цит. по: *Сорокин В.С.* Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 163.
- ⁴⁴ Советская пропаганда... С. 681, 694, 697.
- ⁴⁵ Цит. по: *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁶ Общество и власть: Российская провинция. Т. 3: Июнь 1941–1953 гг. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 790.
- ⁴⁷ Советская пропаганда... С. 677.
- ⁴⁸ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁹ *Бульчев К.* Как стать фантастом: Записки семидесятника. М.: Дрофа, 2003. С. 103.
- ⁵⁰ *Макаров А.* Заветный патриотизм // Известия. 2010. 16 апр.
- ⁵¹ Эти сюжеты, часто встречающиеся в художественной или автобиографической литературе, пока слабо исследованы в историографии. См.: *Зубкова Е.Ю.*

- Послевоенное советское общество: политика и повседневность: 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999; *Киперман Г.Ф.* Стиляги: первая советская молодежная субкультура (конец 1940 – начало 1960-х годов) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: МАГУ, 2006. Вып. 6. С. 448–465.
- ⁵² *Пантелеев А.И.* Январь 1944 (из старого путевого дневника) // Пантелеев А.И. Собр. соч.: В 4 т. Л.: Детская литература, 1984. Т. 3. С. 149.
- ⁵³ *Иванов Вс.В.* Указ. соч. С. 113.
- ⁵⁴ Международное положение глазами ленинградцев... С. 124; Советская пропаганда... С. 678–679.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 126.
- ⁵⁶ Советская пропаганда... С. 703.
- ⁵⁷ Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (далее – ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 3929. Л. 94 об. – 95; Советская пропаганда... С. 680.
- ⁵⁸ Советская пропаганда... С. 681.
- ⁵⁹ Там же. С. 557.
- ⁶⁰ Недремлющее око спецслужб... С. 555–556. Неясно, что имел в виду автор высказывания, говоря о войсках союзников, введенных в СССР; возможно, так была расценена совместная советско-британская оккупация Ирана: многие воспринимали этот шаг как попытку Англии утвердиться на Кавказе (Там же. С. 549–556).
- ⁶¹ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 69, 71. См. также: *Вернадский В.И.* «Коренные изменения неизбежны...»: Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 215–216; *Bailes K.* Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V.I. Vernadskii and his School: 1928–1945 // Slavic Review. 1985. Vol. 45. № 1. P. 36.
- ⁶² Цит. по: *Ломашин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 122.
- ⁶³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1657. Л. 132–133.
- ⁶⁴ Цит. по: *Ломашин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 116–117.
- ⁶⁵ Там же. С. 122.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 5.
- ⁶⁷ Советская пропаганда... С. 681.
- ⁶⁸ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 12.
- ⁶⁹ Lietuvos Ūratingasis Archivas – Литовский Особый архив (далее – LYA). F. 1771. Ap. 7. V. 193. L. 65; Международное положение глазами ленинградцев... С. 126.
- ⁷⁰ Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг.: По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 36.
- ⁷¹ Сталинградская эпопея... С. 389.
- ⁷² ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3790. Л. 14.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 262. Л. 88; LYA. F. K-1. Ap. 10. V. 10. L. 193.
- ⁷⁴ *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: избранные фрагменты. М.: Вагриус, 2006. С. 398.
- ⁷⁵ *Заславская Т.И.* Избранные произведения. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007. С. 281.